

Манасейна Мария Михайловна

О сознании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Михайловна М.**
О сознании / Манасеина Мария Михайловна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 371 с.
ISBN 978-5-519-95282-8

ISBN 978-5-519-95282-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Посвященіе.

Въ далекое бывое время было принято посвящать свои дѣла, свои труды тому или иному лицу, имя котораго зачастую оставалось скрытымъ, до поры до времени, подъ однимъ изъ семи цвѣтовъ радуи. Въслѣдствіе этого и на турнирахъ и на войнѣ рыцари, не называя имени, носили цвѣта тѣхъ, кто такъ или иначе пробудилъ въ душѣ ихъ наиболѣе сильныя чувства благодарности, любви, уваженія, преданности, носили любимые цвѣта тѣхъ, кого они желали почитать.

Бывое время романтическихъ турнировъ, рыцарей было, по преимуществу, временемъ мышечной силы, временемъ физическихъ трудовъ; тогда какъ нынѣ, прежде всего и болѣе всего читающій, въскъ является временемъ книжнаго дѣла, печатнаго слова и соответственно съ этимъ и значительная часть прежней физической борьбы, физическихъ столкновеній измѣнилась теперь въ своемъ внѣшнемъ проявленіи и нуждается нынѣ въ мышцахъ только постольку, поскольку онѣ нужны для работы перомъ. Внѣшнія проявленія борьбы измѣнились и мѣстомъ ихъ служить теперь безконечная и подвижная, какъ море, область прессы; но характеръ, чувства и потребности человека остались тѣ же и, какъ преж-

де, такъ и теперь каждое сильное чувство требуетъ себя проявленія.

Выпуская въ свѣтъ первый выпускъ моего сочиненія „О сознаніи“ я желаю поэтому, чтобы оно было посвящено Вашимъ, дорожимъ для меня, *ИМЕНАМЪ*, хотя бы и скрытымъ, вслѣдствіе стеченія различныхъ обстоятельствъ, подъ однимъ неопредѣленнымъ словомъ *ТБ*, значеніе котораго также недоступно для непосвященныхъ, какъ въ бывшее время было недоступно пониманію всѣхъ значеніе тѣхъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, которыми отмѣчали себя и свои дѣла различные рыцари.

Буду счастлива, если мое настоящее сочиненіе доставитъ хоть нѣкоторое удовольствіе *ТБМЪ*, кому оно было, есть и будетъ посвящено отъ начала и до самаго конца своего черезъ всѣ послѣдовательные выпуски.

М. Манасеина.

26-го января

1896 г.

С.-Петербургъ.

О СОЗНАНІИ.

Глава первая.

I.

Не особенно много требуется думать для того, чтобы понять, что самым дорогим достояніем своимъ на землѣ человѣкъ признаетъ свое сознаніе. Какія-бы мученія не выносилъ человѣкъ вслѣдствіе различныхъ болѣзней и различныхъ несчастій, онъ все-же никогда не согласится избавиться отъ всѣхъ этихъ мукъ цѣною уничтоженія своего сознанія. Вдумываясь въ свою собственную душевную жизнь и въ жизнь нашихъ близкихъ, мы убѣждаемся, что для насъ, людей, жизнь безъ сознанія немислима: подобная жизнь представляется намъ не менѣе, если не болѣе ужасной, чѣмъ самая смерть.

Каждому изъ насъ приходилось испытывать тотъ леденящій сердце ужасъ, который охватываетъ человѣка при видѣ близкихъ людей, утратившихъ на время свое сознаніе, напр. при различныхъ обморочныхъ и коматозныхъ состояніяхъ, или при болѣзняхъ, сопровождаемыхъ бредомъ. Бываютъ болѣзненные состоянія, во время которыхъ больные лежатъ цѣлыми днями, цѣлыми недѣлями безъ малѣйшихъ признаковъ сознательной жизни: они остаются безучастными ко всему окружающему ихъ и ничѣмъ не отвѣчаютъ на самые громкіе, самые отчаянные призывы близкихъ имъ людей. Между тѣмъ сердце продолжаетъ безостановочно работать, дыханіе и различные растительные процессы питанія и усвоенія продолжаютъ совершаться болѣе или менѣе удовлетворительно — однимъ словомъ, человѣкъ живетъ, но сознаніе его отсутствуетъ.

Если-бы при этомъ не было надежды на возможность возвращенія сознанія, а слѣдовательно, и на возможность возстановленія нормальной, для даннаго личнаго сознанія, жизни, то человекъ всегда-бы предпочиталъ смерть подобному состоянію. Между тѣмъ подобнаго рода больные не испытываютъ никакихъ мученій; прерванное или притупленное на время сознаніе дѣлаетъ ихъ одинаково недоступными и для болевыхъ ощущеній, и для беспокойной мысли, и для тяжелыхъ душевныхъ чувствъ. Они живутъ безо всякихъ мученій, но за то и безъ сознанія и именно это-то и внушаетъ намъ ужасъ.

Даже частичныя расстройства цѣлости сознанія, какъ это напр. случается при различныхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, сопровождаемыхъ бредомъ, или при нѣкоторыхъ формахъ умопомѣшательства, всегда, болѣе или менѣе сильно, пугаютъ человека, все одно на какой-бы ступени личнаго развитія не стоялъ онъ въ современномъ намъ обществѣ. «Докторъ, онъ бредитъ!» — «Докторъ, больной теряетъ сознаніе!» «Больной заговаривается!» раздаются въ подобныхъ случаяхъ полныя отчаянной муки возгласы, обращенные къ доктору, отъ котораго семья больного ждетъ помощи, ждетъ спасенія.

Какое существенное, важное значеніе имѣетъ сознаніе въ глазахъ человечества видно между прочимъ и изъ того факта, что законодательства всѣхъ цивилизованныхъ странъ признаютъ преступниковъ неотвѣтственными за тѣ поступки, которые были совершены ими во время, хотя-бы и мимолетнаго, прерыва сознанія, во время такъ наз. *умоизступленія*, т. е. подъ вліяніемъ какого либо сильнаго аффекта, напр. гнѣва, ревности, испуга, а также и во время помутнѣнія сознанія вслѣдствіе дѣйствія опьяняющихъ напитковъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, даже временное уничтоженіе сознанія считается уже достаточнымъ для того, чтобы снять съ человека ту отвѣтственность за поступки, которую онъ несетъ въ качествѣ разумаго, человеческого существа. Изъ этого факта прямо вытекаетъ, что сознаніе считается самой главной, существенной душевной спосо-

бностью человека, безъ которой человекъ какъ-бы перестаетъ быть человекомъ и становится, подобно животнымъ, неотвѣтственнымъ за свои поступки.

Человѣчество болѣе всего на свѣтѣ дорожитъ своимъ сознаниемъ и соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что у всѣхъ народовъ и во всѣ историческія времена надежда на загробную жизнь сводилась въ сущности на надежду сохранить и по ту сторону гроба свое личное сознание. Вѣчное существованіе, свободное отъ всякихъ мукъ, несчастій и горя, свободное, однимъ словомъ, отъ всего того, что глѣтетъ и тяготитъ человека во время его существованія на землѣ, не имѣетъ для насъ ничего привлекательнаго, ничего желательнаго, разъ оно несовмѣстимо съ непрерывностію нашего личнаго сознанія.

У народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, это стремленіе, эта потребность сохранить свое личное сознаніе ведетъ къ тому, что они представляютъ себѣ жизнь за гробомъ неразрывно связанной съ той обстановкой, съ которой они жили на землѣ и безъ которой они не могутъ себѣ представить свою личность. Такъ напр. миссіонеры, проповѣдывавшіе христіанство гренландцамъ, рассказываютъ, что когда рѣчь зашла о загробной жизни, старѣйшины народа предложили имъ слѣдующій вопросъ: «А есть-ли у васъ въ христіанскомъ небѣ тюлени?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, они печально покачали головами и заявили, что христіанское небо, христіанская загробная жизнь не подходятъ для нихъ, гренландцевъ, потому что они нигдѣ, а слѣдовательно, и за гробомъ не могутъ обойтись безъ тюленей. Въ этомъ наивпомъ замѣчаніи отчетливо выразилась горячая надежда гренландцевъ сохранить и по ту сторону гроба свое личное гренландское сознаніе, неразрывно связанное съ определенной жизненной обстановкой, а слѣдовательно, и съ присутствіемъ тюленей.

Точно также и сѣвероамериканскіе индѣйцы рассчитывали и послѣ смерти пайти богатую охоту; а турки и вообще всѣ магометане мечтаютъ о продолженіи гарема и т. д., такъ какъ

даже самый коранъ общаетъ имъ, что по ту сторону могилы они найдутъ прекрасныхъ гурій. Однимъ словомъ, каждый народъ мечтаетъ и по ту сторону могилы сохранить свое личное сознаніе и тѣ привычныя условія жизни, безъ которыхъ онъ не можетъ представить себѣ свою личность. Другими словами, безъ сознанія человѣку не нужно ничего: ни вѣчнаго блаженства, ни вѣчнаго, безконечнаго существованія!.. Вдумываясь въ исторію различныхъ племенъ и народностей, мы все снова и снова убѣждаемся, что на всѣхъ ступеняхъ своего развитія человѣчество всего болѣе дорожитъ своимъ сознаніемъ и заботится, безпokoится, главнымъ образомъ, о сохраненіи своего сознанія, о спасеніи его отъ гибели.

Что же такое это сознаніе? Каждый изъ насъ фактически знаетъ, конечно, что именно подразумѣвается подъ словомъ сознаніе; но точно опредѣлить сознаніе, выяснить его суть оказывается далеко нелегкой задачей. — Постараемся прежде всего познакомиться съ тѣмъ, какъ опредѣляютъ и объясняютъ себѣ сознаніе люди науки. Философы и мыслители древняго классическаго міра вовсе не знали сознанія въ нашемъ смыслѣ. Они признавали сознаніе за свойство ощущеній или ума. Вилліамъ Гамильтонъ указывалъ уже на то, что до Декарта, т. е., слѣдовательно, до 17-го столѣтія философы почти вовсе не говорили о сознаніи и слово *conscientia*, *conscience* и т. д. употреблялось только въ томъ этическомъ смыслѣ, который на русскомъ языкѣ выражается словомъ *совѣсть*. У древнихъ грековъ даже вовсе не было слова для обозначенія сознанія и это вполне понятно, такъ какъ Платонъ и Аристотель считали въ однихъ случаяхъ самыя ощущенія, а въ другихъ — самый умъ сознающимъ свои собственные акты.

По отношенію къ ощущеніямъ и Платонъ и Аристотель впадаютъ, впрочемъ, въ противорѣчія; такъ, напр., Платонъ въ *Theaetetus*, а Аристотель въ сочиненіи о душѣ признаютъ за органами ощущеній способность перцепировать, замѣчать, что они ощущаютъ

то или иное, а въ двухъ другихъ сочиненіяхъ своихъ (Платонъ—въ *Charmides*, а Аристотель—въ *De Somno*) они отрицаютъ это и признаютъ подобнаго рода способность только за умомъ (*νοῦς*).

Только у позднѣйшихъ платониковъ и аристотелианцевъ появляется наконецъ слово, которое можетъ быть приравнено къ нашему сознанию, а именно *συνείδησις*; но оно все-же обозначаетъ только общее свойство интеллекта, а не отдѣльную способность души. Плотинъ, Проклъ и Симплицій, жившіе въ 3-мъ столѣтіи нашей эры, употребляли этотъ терминъ и особенно у послѣдняго оно употреблено въ томъ-же совершенно смыслѣ, какъ и наше «сознаніе». То же встрѣчается и у Пьероклеса; кромѣ того, въ качествѣ слова, обозначающаго сознаніе, употреблялось также и *συνεπίνοσις*; но все это только случайно, мимоходомъ.

У латинскихъ авторовъ, напр. у Квинтилиана и у жившаго въ концѣ 2-го и въ началѣ 3-го столѣтія послѣ Р. Х. Тертуліана, тоже встрѣчаются выраженія, въ которыхъ рѣчь, несомнѣнно, идетъ о сознаніи въ нашемъ смыслѣ слова; но все-же подобнаго рода выраженія встрѣчаются рѣдко; ихъ надо отыскивать и сознаніе, въ качествѣ опредѣленнаго явленія психической жизни, начало обращать на себя вниманіе ученыхъ только со временъ Декарта, т. е., слѣдовательно, только съ 17-го столѣтія. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ намъ еще придется не разъ вернуться къ нему и оно имѣетъ, какъ мы убѣдимся ниже, особенное и существенное значеніе.

Декартъ признавалъ, что духъ человѣка постоянно дѣятеленъ, т. е. постоянно думаетъ, а слѣдовательно, и сознаетъ. Впрочемъ, это было вполне естественно для человѣка, создавшаго такую формулу, какъ «*Cogito ergo sum*»; потому что разъ доказательствомъ существованія человѣка считается мысль, то, очевидно, что мысль эта должна быть непрерывна, такъ-же какъ и неразрывно связанное съ нею сознаніе. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что во времена Декарта не могло быть и рѣчи еще о безсозна-

тельной мозговой дѣятельности, о которой такъ много пишутъ и говорятъ въ наше время.

Разъ сознание начало обращать на себя серьезное вниманіе ученыхъ только со времени Декарта, то само собой понятно, что ученые того времени должны были, по необходимости, останавливаться только на лицевыхъ или положительныхъ сторонахъ сознанія и совершенно упускать изъ виду его отрицательныя или оборотныя стороны. Многие ученые 17-го и 18-го столѣтія принимали, вслѣдъ за Декартомъ, непрерывность сознанія и соответственно съ этимъ доказывали существованіе сознанія и во время сна; для примѣра укажу хоть на Мальбранша.

Итакъ, сознание начало обращать на себя серьезное вниманіе всего лишь съ 17-го столѣтія, и соответственно съ этимъ и бессознательная психическая жизнь долго оставалась не понятой и не замѣченной.

Первый, обратившій вниманіе на бессознательную сторону нашей душевной жизни, былъ Лейбницъ, жившій въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія; хотя случаи бессознательной мозговой дѣятельности обращали на себя вниманіе ученыхъ уже гораздо раньше, но ихъ тогда не понимали. Таковъ, напр., случай, бывшій съ извѣстнымъ Опориномъ, жившемъ въ 16-мъ столѣтіи (1507—1568). Опоринъ былъ извѣстный въ свое время книгопечатникъ, или типографъ, въ Базелѣ и, кромѣ того, онъ былъ ученымъ и профессоромъ. Опорину пришлось кзѣ-то совершать довольно далекое путешествіе въ обществѣ книгопродавца Ѳомы Платера. По дорогѣ путешественникамъ удалось получить какую-то рукопись, сильно заинтересовавшую ихъ. Достигнувъ вечеромъ гостиницы, они были до-нельзя измучены и утомлены, потому что путешествіе приходилось почти все время совершать верхомъ по крайне дурнымъ дорогамъ. Несмотря, однако, на утомленіе, они непременно хотѣли ознакомиться съ содержаніемъ доставшейся имъ рукописи и Опоринъ принялся читать ее вслухъ своему спутнику. Чтеніе продолжалось довольно долго, когда наконецъ Ѳ. Платеръ не понялъ какого-то

слова и по поводу этого счесть необходимымъ предложить какой-то вопросъ чтенію. При этомъ Опоринъ вздрогнулъ и какъ-бы проснулся, подъ вліяніемъ предложеннаго ему громко вопроса; далѣе оказалось, что онъ ровно ничего не помнитъ изъ прочитаннаго имъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Случай этотъ доказываетъ, что даже такой сложный психическій актъ, какъ чтеніе можетъ совершаться безсознательно и что уже въ 16-мъ столѣтіи были извѣстны подобные случаи.

Несмотря, однако, на то, что случаи безсознательной психической дѣятельности уже обращали на себя вниманіе и описывались въ 16-мъ столѣтіи, безсознательная психическая дѣятельность до Лейбница вовсе не останавливала на себѣ вниманія ученыхъ, тогда какъ въ настоящее время она послужила даже основаніемъ цѣлой философской системы; но объ этомъ намъ придется подробнѣе говорить въ главѣ, посвященной вопросу о нарастаніи сознанія въ наукахъ.

Разъ сознаніе сдѣлалось предметомъ философскихъ и психологическихъ изслѣдованій, то оно, конечно, все болѣе и болѣе получало значеніе отдѣльной, самостоятельной способности нашей души. Сначала, какъ мы видѣли выше, философы считали сознаніе непремѣннымъ свойствомъ каждаго ощущенія и представленія, затѣмъ они стали допускать отсутствіе этого свойства въ ощущеніяхъ, но за то сознаніе становится у нихъ непремѣннымъ свойствомъ всѣхъ проявленій ума (Платонъ, Аристотель). Тома Аквинскій въ 13 вѣкѣ тоже отождествлялъ сознаніе съ знаніемъ.

Впрочемъ, на это отождествленіе сознанія съ умомъ, т. е. съ человѣческимъ знаніемъ указываетъ даже и самая этимологія, такъ какъ на всѣхъ языкахъ почти слово, обозначающее сознаніе—*conscience*, *conscientia*, *Bewusstsein*, *medvetande*, сознаніе и т. д.—заключаетъ въ себѣ въ качествѣ главнаго элемента слово, обозначающее собою знаніе, вѣдѣніе, *Wissen*, *veta*, *science*, *scientia*. Рѣчь народная является такимъ вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ вѣрованій и убѣжденій, что въ ней мы находимъ

даже слѣды тѣхъ возрѣній, которыя соединяли сознание съ каждымъ ощущеніемъ, такъ напр. обморочныя и вообще лишенные сознания состоянія нерѣдко называются *insensible*, *besinnungslos*, *безчувственное* такъ-же, какъ и *безсознательное*, *inconscient*, *bewusstlos* и т. д. Очевидно, что синонимное значеніе этихъ словъ зависитъ именно отъ того, что въ былое время сознание считалось непремѣннымъ свойствомъ каждаго ощущенія, доставляемаго намъ тѣми или иными изъ нашихъ органовъ ощущеній, называемыхъ также и органами чувствъ—(*organes des sens, der Sinne*) отсюда и выраженіе—безчувственное состояніе.

Въ началѣ 18-го столѣтія сознание уже прямо признается за самостоятельную способность человѣческой души, и, напр., одинъ изъ крупныхъ представителей шотландскихъ философовъ, а именно Рейдъ, поочередно сравниваетъ его со всеми остальными душевными способностями, какъ-то: съ воспріятіемъ, воображеніемъ и памятью и отдѣляетъ его отъ нихъ. Стюартъ и Гётчинсонъ тоже смотрѣли на сознание, какъ на отдѣльную способность человѣческой души, а затѣмъ съ теченіемъ времени сознание, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безсознательная душевная жизнь пріобрѣтали въ глазахъ мыслителей и изслѣдователей все большее и большее значеніе.

Само собой разумѣется, что какъ во всемъ, такъ и тутъ дѣло не обошлось безъ споровъ и разнорѣчій и чѣмъ больше сознание обращало на себя вниманіе ученыхъ, тѣмъ все больше и больше появлялось и появляется разнорѣчій. Многіе авторы безусловно отрицали непрерывность сознания; другіе приписывали его каждому органу, каждой ткани, каждой клѣточкѣ нашего тѣла въ отдѣльности (Юмъ, Трубецкой). Одни отдѣляли сознание отъ памяти, говоря, что мы можемъ сознавать только въ настоящемъ и настоящее, а никакъ не бывшее прежде, пережитое нами въ прошедшемъ (Рейдъ); другіе, напротивъ того, говорили, что мы сознаемъ только прошедшее (Вайтцъ). Тоже разнорѣчіе существовало также и по отношенію къ вниманію и къ его соотношенію съ сознаниемъ. Наконецъ, одни авторы